

Вера Шторм
Лена Голд

**ДОЧЬ ОТ БЫВШЕГО.
ОН МНЕ ИЗМЕНИЛ**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ш92

Шторм В.
Ш92 Дочь от бывшего. Он мне изменил / Вера Шторм, Лена Голд – М.: Литнет, 2025. – 198 с.

ISBN 978-5-521-93742-4

— Ты изменил мне с моей же сестрой! Как смеешь после этого запирать меня в доме? — отчаянно кричу, игнорируя перекошенное от злости лицо мужа. — Отойди от двери! Я хочу уйти!

— Думаешь, стану останавливать тебя? Проваливай к черту. Но без Даши!

— Что?! — крепко сжимаю ладонь дочки, затем закрываю ее собой. Ощущение, будто муж ее отнимет и увезет далеко. — Ты не имеешь права с нами так поступать! Мы тебе никто, раз ты растоптал нас и «заблудился», заменил на другую!

— Уходи, Настя, — открывает он дверь и подталкивает меня в спину. — Вали куда подальше. А дочь ты больше не увидишь. После развода — тем более.

Книга 2 цикла "Измена мужа".

История Демида и Мелиссы — Книга 1. Ребенок от бывшего. Ты мне изменил

История Алексея и Анны — Книга 3. Беременна от бывшего. Ты ей изменил

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93742-4

© Литнет, 2025
© Л. Голд, 2025
© В. Шторм, 2025

Глава 1

– Ты слишком с ней нянчишься, – муж кивает на дочь, которая старается заплести свои волосы, но получается у нее так себе, несмотря на то, что весь день смотрит видеоролики в интернете, пытается научиться. – На меня времени не находишь. То Даша больна – и ты вынуждена спать в ее комнате, то сама болееешь или же устала.

– Ей всего лишь шесть лет, Леша. Почему ты ведешь себя так, будто она вовсе не твой ребенок? Даша не видит от тебя заботы. Постоянно спрашивает, когда ты вернешься домой. А ты, черт возьми, после часа ночи еле вспоминаешь дорогу в свой же особняк. Так еще и смеешь жаловаться. Браво тебе. Аплодирую стоя!

Не то чтобы мы часто ссорились. Как раз наоборот. Очень редко, но так, что можем днями не разговаривать. Однако лишних слов сказать друг другу мы себе не позволяли. Да только последние пару недель проходят очень напряженно. Да, муж прав, что я уделяю ему мало времени. Но этому есть вполне объяснимая причина: Дашка сильно болела, температуру сбить было почти невозможно. Мы провели в больнице два дня, после чего дочке более-менее стало лучше.

Она из постели не вылезала. Ну, конечно же, Леша будет винить меня во всем. Ведь он до сих пор не понимает, насколько плохое состояние было у ребенка. Поскольку дома находится от силы пять-шесть часов, и то ночью. Весь в работе. Бизнесмен, черт возьми!

– Язык у тебя слишком длинным стал, Настя. Интересно, откуда такая дерзость появилась? Может, я чего-то не знаю?

Мне совсем не нравится тон, которым он выговаривает слова. А еще больше не нравится его изучающий, в то же время осуждающий взгляд.

Я не поняла, в чем это он меня обвиняет?

– Ты перегибаешь палку, Леша. Имей в виду, что разговариваешь не со своими подчиненными, а с женой. С женщиной, с которой уже седьмой год в браке находишься.

С грохотом поставив на стол чашку с кофе, я направляюсь в свою комнату. Мне становится больно от слов мужа. Потому что я не давала повода думать обо мне какие-то там гадости. Знаю я Алексея Гончарова, он неспроста намекнул мне на непонятно что.

Закрываю за собой дверь и приближаюсь к окну. Мысль о том, что в последнее время жизнь с Лешей становится невыносимой, тяжестью застревает в области груди. Дышать становится нечем, горло сжимает спазмом.

Как мы докатились до такого? Как мой муж может сомневаться в моей верности ему? Это недопустимо! Это подло! А ведь второй раз он такое бросает мне. Первый был до болезни дочки, когда я вернулась из салона красоты немного позже, чем обычно. Но тогда я приняла его слова за шутку. Однако сейчас...

Дверь за мной захлопывается. Я чувствую за спиной тяжелые шаги, но не оборачиваюсь. Я в нем разочаровываюсь. Не хочу, чтобы он видел меня в слезах. Такое я себе позволяла крайне редко. Всегда была сильной, не поддавалась эмоциям. Сражалась до конца, никогда не сдавалась. Точно так же, как и сейчас. С ним что-то происходит. То, чего я боялась всегда.

– Что за поведение, Настя? – сжав мое плечо, муж слишком резко поворачивает меня, дергает на себя. Я еле держу равновесие, иначе, скорее всего, упала бы. Или оказалась бы в объятиях Лешы, чего сейчас совсем не хочется. – Ведешь себя так, будто я не муж, а всего лишь клиент, который заглянул в твой ресторан. И ты его обслуживаешь.

– Вот оно как, – гордо вздернув подбородок, я заглядываю прямо в темные глаза с вызовом. – Я хотя бы к тебе отношусь с уважением. А ты? Считаешь меня роботом, да? Но я вовсе не железная, Леша. У меня есть дочь, которая болела сильно, у которой слабый

организм. И она каждую минуту нуждается в заботе, в моем внимании. Ты хоть в курсе, что я пережила за все то время, за которое не могла сбить температуру? Она горела! Где же ты находился, когда она в больнице лежала? Неужели работа тебе важнее семьи? Или... О чем это я? Мы же тебе не семья. Я – прислуга, которая живет в твоём доме и обслуживает тебя по всем фронтам. А Дашка... Чужая дочь, которую ты вынужденно обеспечиваешь. Да, Леш?

– Что за ересь ты несешь? – рычит он, встав настолько плотно ко мне, что я слышу скрип его зубов. Он зол. Но и я тоже.

– Ересь? Разве родной отец поступит так со своим ребенком? Разве отец вообще может общаться с дочерью так, будто она никакого значения для него не имеет? И после всего этого ты винишь ее в том, что она холодно относится к себе? Так ты перестань ее чужой считать, Леша!

– Замолчи, я сказал, пока держу эмоции под контролем, – встряхивает меня за плечи и, как тряпичную куклу, толкает на кровать.

– Иначе что? – я встаю, делаю шаг в сторону. Хочу выйти из комнаты, но в то же время боюсь, что Даша станет свидетелем нашей ссоры. – Выкинешь нас на улицу? Ты же этого добиваешься? Или нашел себе такую... Женщину своей мечты, что на нас стало наплевать? Хорошая мысль на самом деле. Кроме тебя, никто до полуночи в компании не пропадает. Что же ты там делаешь до такого времени, а? А потом меня обвиняешь хрен пойми в чем! Лучше бы я действительно была в чем-то виновата!

Муж в бешенстве. По его лицу ходят желваки. Яростный взгляд скользит по моему телу, останавливается на ногтях. Я не люблю их красить, однако Дашка настояла, что нужен красный, и сегодня на них именно он.

– Что это? Раньше ты этим не занималась. Когда успела, раз Даша так сильно болела и ты ни на минуту от нее отойти не могла? Врешь! Нагло врешь ты, дрянь!

Щеку обжигает пощечина. Я падаю на пол, даже ударяюсь голо-

вой. Неожиданно. Настолько, что от шока я не могу шевельнуться, посмотреть на мужа, с которым провела много лет своей жизни. Он поднял на меня руку. Впервые... И это так больно... Просто невыносимо.

– Чтобы из дома не выходила! Поняла меня?! Не смей пользоваться косметикой! Не смей! – пригрозив, он широкими шагами направляется к двери, выходит из спальни.

Даю волю слезам, хоть минуту назад и обещала себе не реветь из-за него. Но как сдержаться, если умом понимаю, что наш брак развалился? Это конец. Я его не прощу. Не смогу жить с мужчиной, который вот так ни за что ударил меня. Более того, даже не пожалел, а наоборот. Довольный собой покинул дом.

– Мамочка! Мамуль! – дочка опускается на колени рядом со мной, крепко обнимает. – Мам, папа тебя ударил?

Шмыгнув носом, я быстро вытираю с лица слезы.

– Нет, конечно. Нет, Дашуль. У папы проблемы на работе. Мы немножко поссорились, но это не важно. Поднимайся, поедem к тете.

– Я к ней не хочу, – качает она головой.

Я не понимаю, почему дочка так делает. Раньше любила Свету, очень хотела к ней. Но последние несколько дней категорически против видеть ее.

– Даш, родная, мне нужно с ней поговорить. Ты же понимаешь меня?

Она смотрит на меня странно. Но в следующий момент кивает, вытерев маленькими ладошками с моих щек влагу, встает.

– Хорошо. Я сама оденусь.

Дашка бежит в свою комнату, я же достаю из шкафа небольшую сумку, впихиваю туда все необходимое. Пару вещей для себя и дочки. Я уже сомневаюсь, что вернусь сюда.

– Свет, – говорю, едва она берет трубку. – Ты где?

– На работе. Что случилось? – взволнованно спрашивает она. – Мне приехать, Насть?

– Нет, нет, – качаю головой, будто она меня видит. Если расскажу все по телефону, сестра до конца дня будет на иголках, не сможет сконцентрироваться на работе. – Все нормально. Вечером поговорим.

Через двадцать минут мы садимся в такси. А через час оказываемся у тридцатипятиэтажного дома, где живет моя сестра. У меня есть свои ключи, Светка дала еще год назад, когда покупала здесь квартиру.

Захожу, ставлю сумочку на пол и замираю, услышав пошлые слова, стоны. Закрываю уши ребенка ладонями.

– Господи, ну не мучай ты меня... – это Светин голос.

Она же сказала, что на работе. Знай, что она дома и тем более с мужчиной, я бы никогда в жизни не пришла.

Я уже оборачиваюсь и хочу тихо выйти, но слышу мужской рык. И не просто мужской, а... Что-то очень знакомое...

– Ну, Леш... – зовет сестра, чем добивает меня окончательно. Воздух вдруг испаряется, и становится нечем дышать. – Еще... Еще... О, да... Как же я люблю тебя. А она нет. Никогда не любила.

Глава 2

Дашка тихо плачет в стороне, качает головой, чтобы я отпустила ее. Но я просто не могу. Дочка не должна слышать эту грязь. Но я вынужденно отстраняюсь и тянусь за сумочкой, однако роняю ее сразу же, как только на пол падает что-то стеклянное и разбивается вдребезги. Как мое сердце и душа в данный момент.

– Мамуль, – ребенок всхлипывает. Я поспешно забираю свое сокровище и пытаюсь открыть дверь. Да только пальцы дрожат, и получается это не сразу. Мне абсолютно плевать на вещи, но там находятся наши документы. – Мам, пойдем отсюда.

– Ч-ш-ш-ш, малыш. Сейчас.

Мысленно подмечаю, что муж с моей сестрой затихли. Буквально бежим к лифту, нажимаю на кнопку. Ждем... Ждем... Скорее всего, секунд тридцать, ну, или же минуту. Однако эта минута длится словно вечность. И наконец мы оказываемся в кабине.

– Мам, это был папа, да? Там был папа?

Господи, Даше почти шесть лет, и, конечно же, она узнала голос своего отца и то, как позвала его Света. Я бы предпочла умереть, чем увидеть вот все это... Моя дочь стала свидетелем такой грязи... Как я заставлю ее забыть этот день? Боже, как после этого я могу жить с ним под одной крышей? Оказывается, пощечина была всего лишь цветочком по сравнению с тем, что я узнала сейчас.

Такси нет. По закону подлости все идет против нас. Мы направляемся в сторону остановки. Снег падает пушистыми хлопьями, картина замечательная. Будто земля белоснежным толстым ковром покрылась. Я люблю зиму. Да только сейчас все эти мысли лишние, и о них я вообще думать не должна. То ли пытаюсь себя таким образом успокоить, то ли стараюсь не вспоминать те пошлые стоны, которые издавала моя сестра, лежа под моим же законным мужем.

Наша с дочерью жизнь идет под откос. И больше всего будет

именно Дашке. Я не позволю Леше отнять ее у меня. А он, я уверена, сделает все необходимое, чтобы дочь не осталась со мной.

Черный внедорожник останавливается в метре от нас. Не нужно оборачиваться, чтобы увидеть хозяина тачки.

– В машину! – рывкает мой почти бывший муж. – Настя, в машину! – повторяет он, когда я не слушаюсь и иду дальше, крепко сжимая ладошку дочери. – Вот же...

Мат, рычание, хлопок двери. Алексей догоняет нас и, взяв меня за руку, снова грубо дергает на себя, как сделал это еще утром в нашем доме, перед тем как вмазать пощечину.

– Я сказал, в машину! Или хочешь спектакль перед людьми устроить? – цедит сквозь зубы.

– Сукин ты сын, Гончаров! – рычу, впиваясь в мужа бешеным взглядом. – Иди к черту! А, нет! Иди обратно к Свете, и вытворяйте дальше то, что вытворяли! Пардон, помешали вам. Больше не повторится! Потому что все кончено. Это была последняя капля, Алексей! Поверь, если бы не наша дочь, я бы еще утром подала на развод! Но еще не поздно! Я успею!

Вместо того чтобы хоть слегка оправдаться, сказать хоть что-то, что заставит меня смягчиться и подумать, что я ошиблась, Леша смотрит на меня с усмешкой. Да он издевается! И даже не стыдится! Ну черт возьми! Какого же я кретина полюбила! С такой вот скотиной семь драгоценных лет провела!

– Ты сейчас же сядешь в машину. Или же не сядешь. При любом раскладе Даша поедет со мной. А ты на все четыре стороны, Настя. Уверен, найдется тот, кто примет тебя. А уж без ребенка так вообще с удовольствием.

– Мама! Мамочка! – дочь обнимает меня за талию, прижимается щекой к холодному пальто. – Пожалуйста, не оставляй меня.

Даша плачет, а у меня сердце кровью обливается. Я, конечно же, ее не оставляю. Но и идти с мужем... Господи, дай мне сил и терпения, пожалуйста.

– Она боится. Оставь нас в покое, Леша. Дай хотя бы ребенка успокоить.

– Успокоишь в машине, – сжав мой локоть, тянет к внедорожнику.

У меня не остается выбора, кроме как сесть и поехать с ним. Ну послушаю я, что он скажет. А потом... Рано или поздно заберу дочь и сбегу из того дома, где провела самые счастливые годы своей жизни. А теперь и самые ужасные.

– Не оставляй меня, – словно в бреду повторяет дочь. – Пожалуйста, мамочка. Я люблю тебя. Не уходи без меня.

Ком застревает поперек горла. Дышать становится невозможно. Я помогаю дочери сесть в машину, сама же располагаюсь рядом. Едва Леша оказывается за рулем, первым делом блокирует двери.

– Ты свихнулся, – говорю тихо, качая головой. – Думаешь, я из-за тебя это сделаю?

Речь не продолжаю. Я имею в виду: неужели он думает, что я способна открыть дверь и прыгнуть? Или что там в его тупой голове вертится? Черт знает.

– Ну мало ли. Ты любитель адреналина. А я рисковать не хочу.

– Чем рисковать? У тебя крыша поехала. Ты не в себе, – наши взгляды в зеркале заднего вида встречаются, и я только сейчас замечаю, что у него глаза красные. – Ты что, пьян? Идиот! Останови машину! Я хочу выйти! На такси поеду лучше.

– Заткнись, Настя, – бьет он по рулю так, что мы вместе с дочерью вздрагиваем.

И я затыкаюсь до тех пор, пока мы не оказываемся дома, в нашей комнате. Даже Тамара Владиславовна на нас смотрит с сочувствием. Она уже поняла, что что-то не так.

– Будьте добры, уведите Дашку в ванную. Пусть ручки помоеет, и накормите ее, пожалуйста, – прошу я женщину, на что она кивает и, взяв дочку за руку, тянет ее за собой.

Но малышка не сводит с меня глаз. Все оборачивается, смотрит так, будто боится, что я уйду, оставив ее с отцом.